

А. Н. Демьяненко, Л. А. Дятлова

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ РОССИИ (о книге Г. Д. Гловели¹ «Геополитическая экономия России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в.)»)

Научная монография, посвященная изучению отечественной экономической мысли, — само по себе явление неординарное для отечественной науки. Если же к этому добавить, что в работе речь идет о поиске в отечественной экономической науке источников и движущих сил столь модного направления, каковым является геоэкономика, то читательский интерес к этой работе обеспечен. Одним словом: дождались!

Ну, а теперь попробуем разобраться с тем, чего мы все дождались. Итак, что же скрывается за столь длинным названием монографии (8)? Естественно было бы ожидать, что во введении, которое носит теоретико-методологический характер, следует искать, какова цель предлагаемого читателю монографического исследования. Но не тут-то было.

Положение спасает аннотация, в которой мы находим нижеследующее: «Монография предлагает новую ретроспективу отечественной экономической мысли: анализ структурных и институциональных особенностей национальной экономики и ее места в мировом хозяйстве, исходя из геоэкономических и геополитических факторов».

Что же касается структуры монографии, то Г. Д. Гловели, отмечая весьма существенный факт, что настоящая работа есть продолжение его пред-

© Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., 2010

¹ Гловели Г. Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в.). СПб.: Алтейя, 2009.

шествующих исследований¹, разделяет ее на две части. «Первая часть книги посвящена освещению российскими политэкономами XIX в. воздействия природных и геополитических факторов на своеобразие хозяйства «пространнейшей из держав» в контексте вызова со стороны западной индустриальной цивилизации. Во второй части рассматриваются выдвинутые российской общественной мыслью первой трети XX в. концепции, которые могут быть охарактеризованы как глобальные экономико-геополитические и сохраняют большой эвристический интерес для современных концепций геоэкономики, циклов гегемонии, миросистемного анализа и для уточнения стадийных критериев экономического прогресса» (8, с. 10). У нас еще будет возможность поговорить о том, насколько заявленные сюжеты нашли отражение в соответствующих частях монографии, а пока отметим: автор забыл, что помимо двух частей в монографии имеются введение и заключение.

Начнем по порядку с введения. И прежде всего зафиксируем общность позиций автора и рецензентов в отношении отсутствия единства в трактовке понятий «геополитика» и «геоэкономика».

Согласны рецензенты и с тем, что имеет место «интерес к геополитической тематике для российского общественнонаучного дискурса вообще и историко-экономического в особенности» (8, с. 5).

Что же касается авторской позиции относительно того, что есть «геополитика», то она, к сожалению, отсутствует. Но зато есть два сюжета, которые проходят через всю работу. Первый: «в конце XIX — начале XX в. российское «великодержавное» отечествоведение выдвинуло свою глобальную модель — причем с большим, чем у западных концепций, эвристическим потенциалом» (8, с. 5); второй — «наиболее оригинальное течение общественной мысли Русского зарубежья — евразийство — позиционировало себя как русская геополитическая школа» (8, с. 6).

Относительно авторской позиции по поводу «геоэкономики» мы можем констатировать следующее: «Для российской политической экономии характерна традиция рассмотрения системы категорий производства, обмена, распределения и потребления в пределах национально-государственного целого и особое внимание к категории «национальные производительные силы». Эта традиция может быть обозначена как *геополитическая экономия* — направление исследований, анализирующее особенности национального воспроизводственного процесса и хозяйственных институтов в зависимости

¹ Здесь содержится отсылка на работу Г. Гловели «Геополитическая экономия в России» [11], которая и идеологически, и структурно очень сходна с рецензируемой монографией, но существенно отличается по этим же параметрам от работы 2008 г. «Историко-стадийные и эволюционные концепции в российской экономической мысли: вековая ретроспектива» [10]. Последняя, опираясь по большей части на те же источники, не содержит рассмотрения сюжета «геополитическая экономия России».

от протяженности и очертания границ страны, ее ландшафтных и почвенно-климатических условий, а также места, занимаемого ею в иерархической системе международного разделения труда» (8, с. 9).

И сразу возникают вопросы: во-первых, почему ландшафтные и почвенно-климатические условия оказались равноположенными? Дело в том, что уже как минимум с работ В. В. Докучаева (а на самом деле еще ранее) в географической науке, и не только в отечественной, общепринято: и климат и почвы рассматриваются в качестве компонентов природных территориальных комплексов — ландшафтов.

Но не это главное в приведенном определении, а претензия (насколько она обоснованна — другой вопрос) на открытие нового научного направления, которое было, но по разным причинам на время исчезло из поля зрения экономистов и географов, а теперь усилиями Г. Д. Гловели возвращается к жизни.

Само по себе дело возвращения в научный оборот незаслуженно забытых научных идей и имен ученых — не только нужное, но и, без всякого сомнения, благородное. И в этой связи пафос работы Г. Д. Гловели не может не вызывать уважения. Тем более что после кратковременного периода (середина 80-х — конец 90-х гг. XX в.), когда был своего рода всплеск интереса к истории Отечества, и в том числе к истории экономической мысли, наступило время, когда монографические исследования, обращенные к изучению творческого наследия отечественных экономистов, практически исчезли.

Другое дело, что же дает нам изучение геополитической экономики, которая, по мнению Г. Д. Гловели, в перспективе «переходит в геоэкономику как изучение условий реализации национальных интересов (включая интересы будущих поколений) в глобальной системе «много государств — один рынок» (8, с. 10). То, что хотя бы в перспективе «геополитическая экономия» (напомним, научное направление, обнаруженное Г. Д. Гловели) переходит в «геоэкономику» (хотя и не очень оформленное направление в современной экономической науке), наверное, хорошо. Но почему предметная область геоэкономики сводится к изучению условий реализации национальных интересов в глобальной системе «много государств — один рынок» — неясно, тем более что из работ авторов, упомянутых во введении, этого не следует.

И последнее, на что следует обратить внимание читателей, — метод, используемый Г. Д. Гловели. Анализируя зарождение «геополитической экономики» в России (век XIX) и ее развитие (первая треть века XX), автор применяет «биографический» метод, т. е. он предлагает читателю вслед за автором идти от одного исследователя к другому. Несомненно, такой метод анализа эволюции «геополитической экономики» (и не только ее) имеет право на существование. Но почему Г. Д. Гловели отказался от построения хотя бы

схематичной периодизации эволюции научной мысли в рамках означенного выше направления — неясно.

Помимо всего прочего, «биографический» метод увеличивает риск опасности, на которую в свое время обратил внимание М. Блауг, а именно «опасность — возвеличивать их достоинства в стремлении открыть идеи, опередившие их время, а часто и их собственные намерения» [2, с. 1].

Итак, часть первая «Своеобразие экономического развития «пространнейшей из держав»: дискуссии XIX века» открывается главой «Политическая экономия и вопрос о стадиях и геополитических факторах хозяйственного прогресса: от смитианства к Ф. Листу», что не может не вызывать некоторого замешательства. Ибо название главы и ее содержание — это, скорее, продолжение введения или той главы, которая оказалась ненаписанной, но которая буквально просится в структуру монографии. Рецензенты в данном случае имеют в виду главу, в которой хотелось бы увидеть, что есть теоретико-методологические основания предлагаемого исследования. Возможно, такое желание выглядит по-провинциальному наивно, но что есть, то есть.

И все-таки что есть в первой главе? По большому счету ничего, кроме того, что Г. Д. Гловели еще раз подтвердил тот хорошо известный факт, что экономическая наука в России была составной частью мировой, это во-первых, а во-вторых, российская экономическая мысль «развивалась в значительной мере как полемика между приверженцами «линии Смита» — фритредерами — и «линии Листа» — протекционистами» (8, с. 19).

Глава вторая уже по своему названию — «Российское геоэкономическое пространство» — в оценке политэкономов первой половины XIX в. и периода падения крепостного права настраивает читателя на то, что он наконец-то поймет, что есть геоэкономическое пространство вообще и российское — в частности¹.

К сожалению, об этом в данной главе ничего нет. Но зато есть много чего другого. В частности, «в официальной программе железнодорожного строительства возобладала логика консервации положения России как поставщика продовольствия и сырья с незначительным развитием промышленности», а М. Х. Рейтерн, «фритредер-западник», стремился «направить развернув-

¹ Есть вопросы по названию главы: в частности, что такое «период падения крепостного права»? Когда это падение началось и когда оно окончилось? Дело в том, что в этой главе содержится анализ работы Н. С. Мордвинова 1815 г. издания и работы Н. Я. Данилевского 1890 г. Причем на с. 30 дана ссылка на эту безымянную работу Данилевского, безымянная она потому, что ни в тексте, ни в библиографии обнаружить ее не удалось. Впрочем, это не единственная небрежность в сетях цитирования и в библиографических описаниях. Так, на с. 63 приведена цитата из работы Рязанова 2003 г., но и эту работу нет смысла искать в библиографическом списке. Можно лишь предположить, что речь идет о работе: *Рязанов В. Т. Экономические реформы в России: научные школы и исторический опыт // Российские экономические школы. М.: МФК, 2003. Перечень подобного рода небрежностей можно продолжить, но вряд ли в этом есть необходимость.*

шеся в империи железнодорожное грюндерство на обеспечение дополнительной транспортной сети для подвоза экспортного хлеба к балтийским и черноморским портам» (8, с. 27).

Что же касается представителей «линии Листа», то они растворились в славянофильстве, которое, в свою очередь, «не уделило должного понимания влиянию географической среды на историко-экономические отличия российской цивилизации от западной» (8, с. 31).

И тут на сцену выходят С. М. Соловьев и А. П. Щапов, а также примкнувший к ним А. К. Корсак, которые не были ни представителями «линии Смита», ни представителями «линии Листа», но, судя по всему, трудились в «период падения крепостного права».

Попытаемся вслед за Г. Д. Гловели понять, что есть «Пространственный аспект истории русской цивилизации в исследованиях С. М. Соловьева и А. П. Щапова», таково название третьей главы.

И что же мы находим? А находим, что «С. М. Соловьев и А. П. Щапов заложили основы мощной историографической традиции изучения «колонизации как главного факта русской истории» (8, с. 38). Да кто бы спорил? Но логично было бы продолжить эту традицию, тем более что среди последователей С. М. Соловьева мы находим первоклассных ученых мирового уровня: В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, А. А. Кауфмана, В. П. Семенова-Тян-Шанского и многих других, которые не только развивали и углубляли «колониционное направление» как междисциплинарное направление в отечественной науке, но и применяли на практике результаты научных исследований.

Но пространственный аспект — это не только «вотчина» историков, но и географов и статистиков, так в те годы называли специалистов в той области, которая сейчас обозначается как региональная экономика. К сожалению, этот пласт источников оказался вне рассмотрения автора рецензируемой работы.

Не будем останавливаться на этом сюжете и мы, а вслед за Г. Д. Гловели перейдем к А. К. Корсаку, который характеризуется как первый русский экономист-компаративист и которому посвящена следующая, четвертая, глава монографии. И вот здесь самое время вспомнить предостережение М. Блауга, приведенное выше. Чтобы не быть обвиненным в голословности, приведем небольшую, но характерную цитату: «Первое же специальное исследование того, как особенности российского геоэкономического пространства, обусловив историческую неразвитость внутреннего обмена и ремесленного разделения труда, повлияли на общую экономическую отсталость страны, предпринял молодой А. К. Корсак. Его работа «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и в России», изданная в 1861 г., стала отправным пунктом сравнительных исследований экономической эволюции Запада и Европы» (8, с. 39—40).

Здесь следует отметить, что ни о каком «геоэкономическом пространстве» А. К. Корсак слыхом не слыхивал. Более того, ему, как и его предшественникам, вполне хватало пространства географического или физического, если пользоваться терминологией П. Бурдые [5], для обозначения пространства, качественно отличного от пространства социального.

Что еще интересного содержится в разделе, посвященном А. К. Корсаку? Здесь следует обратить внимание на следующий вывод: «Трезвый взгляд на российскую экономическую отсталость — с выяснением обусловленности ее характером геоэкономического пространства — сочетался с рекомендациями поиска возможных лучших форм в западном опыте. Это было предвосхищением центрального направления российской политэкономии ближайших десятилетий — легального народничества» (8, с. 45).

В этом фрагменте больше вопросов, чем ответов. Во-первых, о какой экономической отсталости идет речь? Во-вторых, почему, если допустить, что экономическая отсталость имела место, она обусловлена природными условиями и размерами территории? Наконец, как можно политическое движение (легальное народничество) рассматривать в качестве «центрального направления российской политэкономии ближайших десятилетий»?

Читатель, конечно, может предположить, что ответы на эти вопросы содержатся в следующей, пятой, главе «Геоэкономическое пространство России в оценке легального народничества и катедер-социализма».

Однако уже название главы ставит читателя в тупик: в России вся экономическая мысль — это легальные народники и катедер-социалисты? Но если читатель хотя бы немного образован экономически, скажем, знаком с работами В. П. Безобразова, А. С. Ермолова, представителей организационно-производственной школы, то он, конечно же, будет удивлен тем, что многообразие экономических исследований, присущее концу XIX — началу XX в., сведено к полемике между марксистами и народниками.

Конечно, здесь спасает опять-таки «геоэкономическое пространство», но когда читаешь, что существовала «народническая геополитическая экономика» в лице В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона, то это вызывает недоумение. И недоумение это лишь усиливается, когда сам Г. Д. Гловели признает хорошо известный факт, что от экономических построений В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона мало что осталось после критики их со стороны не публицистов, но экономистов, в первую очередь М. Туган-Барановского.

Тем не менее, даже если признать вслед за Г. Д. Гловели, что спор между «неомарксистами» и «легальными народниками» есть не что иное, как спор, который «впервые был переведен в плоскость соответствия российского пути конкретным стадиям формационного экономического развития» (8, с. 54), то и тогда при чем тут геополитическая экономика? Но Г. Д. Гловели тем не

менее настаивает, что «нота» геополитической экономики была обертоном дискуссии, быстро заглушив за злободневными дебатами — не только экономическими, но политическими, социологическими и философскими. Однако есть основания вслушаться в нее спустя более чем век» (8, с. 54).

Попробуем и мы вместе с Г. Д. Гловели вслушаться в ту самую «ноту». Тем более что, оказывается, имеет место возрождение интереса к идейному наследию народничества во второй половине XX в. И здесь мы обнаруживаем много чего интересного.

Во-первых, «крестьяноведение как самостоятельное направление экономико-социологических исследований сформировалось благодаря открытию на Западе работ разгромленной в СССР «неонароднической» школы А. В. Чаянова» (8, с. 56). Тут следует развести понятия: научные школы — это одно, но тогда следует говорить об организационно-производственной школе, а не о школе А. В. Чаянова, а политические ярлыки — это другое, к науке, в том числе экономической, отношения не имеющее.

Во-вторых, А. В. Чаянов оказывается продолжателем дела Воронцова — Даниельсона. Это уже перебор: читатель может сам обратиться к работам А. В. Чаянова и попытаться найти там ссылки на работы В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона, очень может быть, что он их найдет. Но на каждую такую ссылку будет неизмеримо большее количество отсылок на А. Ф. Фортунатова, В. И. Борткевича — своих учителей, А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова и других своих соратников по организационно-производственной школе.

В-третьих, «крестьяноведение», если последнее рассматривать как междисциплинарное направление в исследовании крестьянского хозяйства, сложилось в нашем отечестве, иначе на Западе открывать было бы нечего¹.

Наконец, мы обнаруживаем в монографии с грифом самого уважаемого экономического академического института пассаж (первый, но не последний), который стоит привести полностью: «Русские «сисмондисты» правомерно усомнились в том, что отсталые страны должны просто-напросто повторить этапы развития передовых стран — как полагали догматически упитанный Плеханов и наглый рыжий Струве, а две трети века спустя — самонадеянные теоретики модернизации» (8, с. 57). Ну что тут скажешь?!

А сказать есть что: В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон «не только предприняли попытку защитить крестьян... но и предвосхитили поиски идеологами «третьего мира» некапиталистических моделей индустриализации, отводящих государству роль ограничителя притязаний частного капитала и

¹ О причинах возникновения «крестьяноведения» и его задачах существует обширная литература, представленная как трудами представителей «организационно-производственной школы» [35], так и исследователями, не входившими в нее [25; 33]. Впрочем, Г. Д. Гловели не одинок (см.: дискуссия по правовым проблемам аграрной реформы на страницах журнала «Государство и право» № 2 за 1994 г. [29]).

координатора интересов различных секторов хозяйства и групп населения» (8, с. 58). Этот тезис, если использовать терминологию Г. Д. Гловели, есть первое предвосхищение, а именно: «периферийный капитализм».

Но и это не все. Оказывается, было еще одно предвосхищение народнической политэкономии — «евразийское неудобье».

И здесь нас также ждут немалые открытия: «Во времена полемики марксистов с народниками экономической географии как научной дисциплины в России не существовало, а позднее она развивалась в стеснительных рамках истмата» (8, с. 58).

Здесь следует сделать паузу. Не было, оказывается, в России в конце XIX — начале XX в. экономической географии. Интересно, а как определяет Г. Д. Гловели критерии появления научной дисциплины и, в частности, экономической географии? Судя по всему, как-то по-особенному. Но не так, как историки географической науки. Точно не так! Но вот как — он не говорит! В этой связи возникает вопрос: а чем занимался К. И. Арсеньев или П. П. Семенов задолго до упомянутой выше полемики или сотрудники совместных экспедиций Императорского Русского географического и Императорского вольного экономического обществ и пр., и пр.?

Далее, она, т. е. география, все-таки появилась и даже развивалась, но в «стеснительных рамках истмата». Кстати, неплохо развивалась вопреки всему и дала теорию экономического районирования (А. Н. Челинцев, И. Г. Александров, Б. Н. Книпович), территориально-производственного комплексообразования (Н. Н. Колосовский, М. К. Бандман), территориальной организации общества (Н. Т. Агафонов, Б. С. Хорев), единой системы расселения, — можно продолжить, но и этого немало.

Но, оказывается, стоило разорвать рамки истмата, и вот свершилось: появилась концепция «евразийского неудобья», авторы которой Ю. Н. Гладкий, В. А. Доброскок и С. П. Семенов — одновременно и авторы учебного пособия по экономической географии России [7].

В чем суть этой концепции? А в том, что «евразийское неудобье» — «территории, исторически создававшей естественные преграды пластичности жизненного уклада населения и перехода к рыночному хозяйству» (8, с. 58)¹.

И какие же геополитические выводы делает в связи с этим Г. Д. Гловели? А

¹ Как тут не вспомнить работы отечественных экономистов-аграрников начала XX в., и, в частности, Н. П. Огановского, который, анализируя различия в продуктивности сельского хозяйства России и западноевропейских стран, приходит к выводу: «Этой разницы нельзя объяснить ни почвенными, ни исключительно климатическими условиями. Почвы во многих местностях Европы хуже нашего чернозема, а климат — если в общем на Западе более благоприятен, то все-таки его влияние сравнительно с другими факторами является второстепенным. Остается *рационализация* стихийного процесса эволюции, достигаемая общим подъемом агрикультуры...» [28, с. 10]. Практически аналогичной точки зрения придерживались и А. А. Кауфман [17] и представители организационно-производственной школы.

выводы таковы: «Эти обобщения современных экономико-географов можно аттестовать как веские дополнения к «капиталистическому пессимизму» В. П. Воронцова, хотя его экономические трактаты и публицистика¹ остались вне внимания авторов концепции «евразийского неудобья» (8, с. 58).

Конечно, можно свести всю современную отечественную экономическую географию к трем авторам учебного пособия, но думаю, что с такой честью они вряд ли согласятся.

Но все-таки много продуктивнее было бы остановиться на том, каким образом выявлялось и оценивалось действие природных факторов, т. е. совокупности природных ресурсов и природных условий на пространственную организацию экономики, в том числе и сельской экономики. Благо таких работ, начиная со времен Геродота и до наших дней, выполнено немало, в том числе и отечественными экономистами и географами.

Глава шестая «Стадийный историзм и геополитическая экономия», судя по названию, должна содержать некий синтез. Но вместо этого мы вновь видим сверхкраткое изложение работ Н. И. Зибера и несколько более развернутое изложение работы М. И. Туган-Барановского «Русская фабрика [в прошлом и настоящем]», которая почему-то объединена с работой В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» в одну категорию — «трактатов марксистского антинародничества». Затем появляется П. Б. Струве с новым понятием «децентрализованное товарное производство». Но где анализ обещанных пространственных факторов капиталистического развития России? Но в конце первого параграфа шестой главы читателя интригуют тем, что «стадиальное различие значимости внешних рынков легло в основу предложенной Булгаковым типологии капитализма с учетом пространственного фактора» (8, с. 69).

Действительно, далее идет изложение хорошо и давно известных работ С. Н. Булгакова, в том числе и его типологии промышленных стран, но при чем тут пространственный фактор? И все-таки новизна присутствует в этом параграфе, и имеет она непосредственное отношение как раз к упомянутой типологии, которая, по мнению Г. Д. Гловели, «обозначила выход российского политэкономического дискурса за пределы сосредоточенности на соответствии/несоответствии стадиальных закономерностей западного капитализма национальным особенностям развития» (8, с. 74). Почему именно весьма несовершенная и неполная типологическая схема, точнее набросок, типологии С. Н. Булгакова обозначила столь крутой поворот в отечественной

¹ Интересно, что современные публикаторы работ В. П. Воронцова [6] в весьма уважаемой серии «Социальная мысль России», издаваемой по решению Ученого совета социологического факультета МГУ, разместили и «Судьбы капитализма в России», и «Судьба капиталистической России» в рубрике «Научно-популярное издание».

экономической мысли, неясно, так как аргументов Г. Д. Гловели не приводит. Вместо этого есть пояснение: «Этому повороту способствовали два процесса в рамках отечественной экономической науки, отражавшие мирохозяйственные изменения в начале XX в.: обособление в самостоятельную дисциплину экономической географии и выделение русскими последователями германской «новой исторической школы» стадии мирового хозяйства как следующей за стадиями домашнего, городского и народного хозяйства» (8, с. 74).

В этом месте рецензентам пришлось глубоко задуматься над вопросом: экономическая география — это дисциплина географическая или же экономическая? Вопрос не праздный, и он действительно дискутировался в начале XX в., но тогда же он был и разрешен: есть экономическая география, и это наука, входящая в систему географических наук, а есть региональная экономика, и это дисциплина, принадлежащая системе экономических дисциплин.

Но не будем отвлекаться от текста рецензируемой монографии и перейдем ко второй части «Глобальные экономико-геополитические концепции в российской экономической мысли первой трети XX в.», которая открывается главой «Геополитическая экономия империализма». В главе достаточно подробно рассмотрен марксистский, точнее ленинский, подход к природе империализма, попутно досталось М. Блаугу за «поверхностную критику марксистской теории империализма». Далее Г. Д. Гловели отдает должное М. Павловичу в разработке оригинальной концепции империализма, в которой акцентируется инфраструктурный аспект.

Затем настает черед А. А. Богданова. Г. Д. Гловели со знанием дела дает развернутый анализ творческого наследия А. А. Богданова, акцентируя внимание читателей на том, что «для построения современных глобальных моделей еще большее значение, чем концепция национально-государственного капитализма, представляет общенаучная системная познавательная модель Богданова (тектология), особенно категории универсальных организационных механизмов» (8, с. 98). А затем приведены примеры использования отдельных механизмов, выявленных А. А. Богдановым, в работах Ф. Броделя, И. Валлерстайна и некоторых других современных исследователей, специалистов в области мировой экономики и миросистемного анализа.

Но, пожалуй, наибольший интерес представляет третья глава второй части монографии — «Значение пространства для аграрной эволюции: вклад обновленного народничества». Начинает эту главу Г. Д. Гловели очередным обращением к марксистской политэкономии, затем вспоминает К. Бюхера и В. Зомбарта с их классификациями хозяйственных форм, а затем переходит к творчеству В. Э. Дена.

И здесь становится понятным утверждение Г. Д. Гловели о том, что экономическая география обособилась в самостоятельную дисциплину в начале

XX в., как и то, что она является частью политической экономии. Судя по всему, это обусловлено тем, что в 1902 г. В. Э. Ден возглавил кафедру экономической географии на первом в России экономическом факультете, а в 1908 г. в работе «Очерки экономической географии» рассматривал экономическую географию как составную часть политической экономии¹.

В то же время В. Э. Ден рассматривал в составе политической экономии и отраслевые экономики, в том числе и сельскохозяйственную экономику, которая к тому времени представляла собой вполне сложившуюся научную дисциплину, имевшую в качестве целевой установки поиск путей повышения эффективности сельской экономики. При характеристике последней Г. Д. Гловели делает следующее пояснение: «Сравнительно с политической экономией сельскохозяйственная в своем развитии гораздо теснее была связана с учетом особенностей геоэкономического пространства — как расстояний, так и почвенно-климатических условий» (8, с. 103). Отсюда следует, что Г. Д. Гловели наконец, если и неявно, то косвенно, через существенные свойства, дает определение геоэкономического пространства, которое фактически есть не что иное, как пространство географическое. Кстати, в рамках сельской экономики учет влияния пространственно изменчивых факторов на сельское хозяйство, имеющих как природный, так и собственно экономический характер, составлял характерную черту этой научной дисциплины², как и «организационно-производственной школы»³.

Но работами представителей «организационно-производственной школы», как справедливо отмечает Г. Д. Гловели, не исчерпывается наследие российских экономистов. И здесь начинается, по мнению рецензентов, самое интересное: подробное рассмотрение творческого наследия Николая Петровича Огановского, и прежде всего его трехтомного труда «Закономерность аграрной эволюции» [26—28].

Впрочем, ценность этой части монографии заключается не только в том, что Г. Д. Гловели знакомит современного читателя с «хорошо забытыми» идеями этого оригинального отечественного экономиста и географа, но и выка-

¹ Впрочем, В. Э. Ден в этом был не одинок. Так, у Н. П. Огановского мы находим: «Экономическая география — дисциплина совсем молодая, начинающая формироваться только в XX в.» [24, с. 3], близкие взгляды демонстрировал и Г. Г. Швиттау [38]. Здесь необходимо пояснение: экономическая география в терминах начала XX в. есть не что иное, как региональная экономика в терминах начала XXI в. Другое дело, что, фактически уничтожив «статистическо-отраслевую школу» В. Э. Дена и «организационно-производственную школу» в отечественной науке, надолго забыли о региональной экономике; последняя была заново «открыта» лишь после появления работ Н. Н. Некрасова [19]. Впрочем, рассмотрение коэволюции региональной экономики и экономической географии далеко выходит за рамки рецензии.

² См., напр.: [32; 34].

³ Вопросы выявления пространственного аспекта и его оценки в работах представителей организационно-производственной школы были освещены в ряде публикаций на страницах журнала «Пространственная экономика» [11—15].

зывает собственные суждения по поводу этих идей. Причем целый ряд этих суждений имеет дискуссионный характер, и именно на них мы и обратим внимание читателей¹.

Итак, «теория аграрной эволюции подводила к модификации государственно-кооперативной программы народнической политэкономии — модификации, проведенной организационно-производственной школой, с лидерами которой Огановский разделял активное участие в Лиге аграрных реформ» (8, с. 122). Таким образом, выстраивается следующая схема: В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон — Н. П. Огановский — «организационно-производственная школа». Трудно представить что-нибудь менее совместимое. И здесь нет необходимости в детальном анализе. Достаточно взять в руки работы В. П. Воронцова, а затем А. В. Чаянова или А. Н. Челинцева, чтобы понять, что ни о какой преемственности в теоретической или методологической области и речи быть не может. А тот факт, что Н. П. Огановский разделял активное участие в Лиге аграрных реформ с представителями организационно-производственной школы, никоим образом не делает из его теории аграрной эволюции «мостик» между народнической политэкономией и теоретическими концепциями организационно-производственной школы.

Еще один спорный тезис, точнее, даже два в одном абзаце: «Десятилетие деятельности ученого как «спеца» — сотрудника Наркомата земледелия и профессора МГУ и ряда экономических вузов, отмечено смещением интересов Н. П. Огановского в область экономической географии. Смещением, идеологически вынужденным, но позволившим теоретику аграрной эволюции сжато изложить свои выводы уже с оглядкой на опыт революции 1917 г. и предшествовавшего им землеустройства и сформировать оригинальную концепцию *устойчивого развития производительных сил*» (8, с. 122).

Что касается смещения интереса в область экономической географии в последнее десятилетие, то это неверно, хотя эта точка зрения имеет своих сторонников [13]. Достаточно обратиться к самой структуре трехтомной работы «Закономерности аграрной эволюции», чтобы обнаружить в том числе и нижеследующее: «По плану, намеченному нами в предыдущих томах нашего труда, третий том «Закономерности...» посвящался «географической проверке истории», т. е. детальному анализу условий сельскохозяйственной эволюции России по отдельным районам и областям» [28, с. 3].

¹ Но прежде всего отметим, что «эволюционный подход» к исследованию сельскохозяйственной экономики был достаточно детально проработан А. Н. Челинцевым в его концепции «генетических районов», в рамках которой происходила взаимоувязка стадий развития сельского хозяйства в контексте природных и социально-экономических условий отдельных районов [36; 37]. Не чужды были эволюционному подходу в исследовании сельскохозяйственной экономики А. С. Ермолов [16] и Б. Д. Бруцкус [4].

Что же касается «оригинальной концепции устойчивого развития производительных сил», то это просто преувеличение. Действительно, в целом ряде работ, в том числе и советского периода, мы можем найти отдельные суждения Н. П. Огановского об устойчивом развитии производительных сил, но не более того. Поэтому утверждение, что «Огановский обосновал важнейший стадийный критерий экономического роста — переход к поступательному расширенному воспроизводству, или «самоподдерживающемуся» росту, — опередив на добрых полвека дебаты теоретиков модернизации по поводу Self-sustained Growth» (8, с. 123), — представляются, скорее всего, натяжкой.

Далее, рецензенты вынуждены привести обширную цитату: «Теория аграрной эволюции Н. П. Огановского была наиболее масштабным применением историзма для обоснования народнической государственно-кооперативной программы некапиталистического развития России. Систематизированный ученым материал — предостережение от новых попыток вывести сельское хозяйство страны из обусловленного природно-климатическими и долгосрочными историческими факторами состояния нужды за счет одной-единственной «добродетели» — будь то столыпинская хуторомания, сталинская коллективизация, вильямсовское травополье, хрущевская кукуруза или гайдаровские посулы от «полноценного земельного рынка». Концепция Н. П. Огановского представляет ценность и в ином отношении — как вклад в методологию построения политэкономической теории всемирно-исторического процесса» (8, с. 127—128).

Как-то трудно согласиться с тем, что рыночник Н. П. Огановский занимался обоснованием народнической государственно-кооперативной программы, это во-первых. Во-вторых, непонятно, зачем валить в одну кучу «столыпинскую реформу» (именно реформу, а не «хутороманию») и «сталинскую коллективизацию»¹? И при чем тут «гайдаровские посулы»? Неужели Георгий Джамалович где-то в современной России обнаружил «полноценный земельный рынок»? Очевидно, здесь автор просто впал в излишнюю публицистичность.

Что же касается вклада Н. П. Огановского в «методологию построения политэкономической теории всемирно-исторического процесса», то здесь необходима пауза.

¹ Если бы Г. Д. Гловели захотел ознакомиться с оценкой «столыпинских реформ», то мы посоветовали бы ему обратиться к работе А. В. Чаянова 1924 г.: «...быстрое развитие товарных отношений и товарности крестьянского хозяйства, быстрый рост торгового капитализма, неудержимый рост кооперативного движения, неуклонное нарастание всяких организаций агрономической помощи населению, — все это без всякого рода «попыток», «начинаний» и «интересных явлений» с каждым годом нарастало все более и более количественно, и к началу войны наша деревня уже качественно была мало похожа на деревню прошлого столетия» [35, с. 197]. Если по каким-то причинам А. В. Чаянов не авторитет, то можно обратиться к мнению Б. Д. Бруцкуса, изложенному им, в частности, в работе «Советское и крестьянское хозяйство» [3].

Дело в том, что со следующей страницы начинается параграф «Геополитическая экономия всемирно-исторического процесса» такими словами, как: «Концепцию политической экономии мирового исторического процесса С. В. Онищука, как и теорию аграрной эволюции Н. П. Огановского, можно отнести к геополитической экономике, так как исходные пункты расхождения в генезисе капитализма определяются, в конечном счете, природными условиями» (8, с. 129).

Ничего не можем сказать относительно трудов С. В. Онищука, более того, сей труд, как бы он ни был интересен сам по себе, не имеет непосредственного отношения к заявленной Г. Д. Гловели теме; поэтому ограничимся рассмотрением интерпретаций Г. Д. Гловели научного наследия Н. П. Огановского. И сразу же отметим, что ни в одной из известных нам работ (включая те, которые анализирует Г. Д. Гловели) Н. П. Огановский не утверждал, что «исходные пункты расхождения в генезисе капитализма определяются, в конечном счете, природными условиями». Более того, объяснять генезис столь сложных экономических явлений, как капитализм, действием природных факторов невозможно.

Наконец, вызывает большие сомнения утверждение, что «русский политэконом-народник может считаться предшественником современного обсуждения «механизма формирования устойчивой цивилизации» (8, с. 132). Судя по всему, здесь ситуация та же, что и с «концепцией устойчивого развития производительных сил», — это не более чем преувеличение.

На самом деле в работах середины 20-х гг. XX в. [20—23] в ходе разработки первого пятилетнего плана последовательно отстаивался принцип равновесия между сельским и народным хозяйством. Полагая, и не без основания, что Россия с конца XIX — начала XX в. переживает трансформацию своего хозяйственного типа из одностороннего, чисто аграрного в двусторонний аграрно-индустриальный, который создается и крепнет, главным образом на основе широко развитых рыночных отношений.

Следующий сюжет, представляющий несомненный интерес, обозначен автором рецензируемой монографии как «Экономическая концепция евразийства». Хотя начало пятой главы второй части практически сразу закрывает эту тему: «В целом программные пункты политэкономической доктрины евразийства носили достаточно общий, декларативный и не слишком содержательный характер» (8, с. 153). И с этим рецензенты полностью согласны. Впрочем, еще в начале 20-х гг. XX в. несостоятельность экономических оснований евразийской концепции была вскрыта А. Д. Белимовичем [1]. Подчеркнем еще раз — речь идет только об экономических основаниях евразийской концепции.

В этой связи как-то наивно выглядит утверждение, что «за счет выгод

океанического островного положения Япония в середине XX в. с триумфом преодолела недостаток ресурсов минерального сырья и топлива, подобно тому, как Англия в конце XVIII в. за счет паровых двигателей и коксующихся углей вышла из трудностей с лесным топливом» (8, с. 160). Интересно, а почему Ямайка или Филиппины не смогли, как Япония, использовать выгоды океанического положения?

Последняя, шестая глава — «Глобальная экономико-геополитическая модель В. П. Семенова-Тян-Шанского», — несомненно, интересна уже тем, что привлекает внимание к большому, но малоизученному наследию В. П. Семенова-Тян-Шанского. Конечно, можно сказать, что Вениамин Петрович «в статьях «О могущественном территориальном владении применительно к России» (1915) и «Единство России и великое тысячелетнее переселенческое движение» (1919) и отчасти в других работах разработал модель, которую можно характеризовать и как глобальную геополитическую, и как глобальную геоэкономическую» (8, с. 171). Но можно вспомнить, что сам В. П. Семенов-Тян-Шанский ни о каких моделях речи не вел, а свою работу относил к исследованиям в области политической географии. Не случайно статья «О могущественном территориальном владении применительно к России» имеет подзаголовок: очерк политической географии. И мы действительно видим очерк политической географии России начала XX в. и научно обоснованный прогноз обустройства экономического пространства в контексте колониационного движения, с выделением районов, в пределах которых целесообразно создание колониационных баз.

Но при этом следует иметь в виду предостережение классика: «...Конечно, следует предостеречь от смешения политической географии с политикой в географии, в которую легко впасть при неопытности в постановке вопросов» [31, с. 33].

Как известно автор научной монографии, написав введение, обречен закончить работу заключением. Есть оно и в рецензируемой монографии. Заключение, в целом вполне традиционно и содержит краткие выводы, полученные автором. Практически все они были отмечены рецензентами, поэтому нет необходимости повторяться. Если и есть что отметить, так это неожиданное появление весьма и весьма интересного фрагмента, посвященного А. В. Журавскому, но почему этот фрагмент появляется в заключении, не ясно.

Итак, пришло время подведения итогов. Обычно, и автор, а, вслед за ним, и рецензенты обращаются к определенному кругу читателей. Есть вполне устоявшиеся штампы, при определении читательской аудитории, которой адресована книга. Но, в данном конкретном случае, все не так просто.

Адресовать ее студентам, затруднительно, хотя бы одной причине: так

строить сети цитирования просто нехорошо: чего доброго подумают, что так и надо.

Еще более опасно предлагать эту монографию профессиональным географам, ибо что они могут подумать о себе, о своей науке, наконец, о Г. Д. Гловели, когда прочтут: «Нельзя не отметить, что Вениамина Петровича часто путают с его прославленным отцом, приписывая достижения сына Петру Петровичу, который был выдающимся организатором, но не теоретиком» (8, с. 166). А они-то, географы, причем не только отечественные, но и зарубежные, почитают его за классика географической науки.

Адресовать монографию специалистам в области истории российской экономической мысли также негоже: лучше уж тогда обратиться к другой работе Г. Д. Гловели — «Историко-стадиальные и эволюционные концепции в российской экономической мысли: вековая ретроспектива» (9).

И все-таки работа Г. Д. Гловели вовсе не бесполезна и даже по-своему интересна. Интересна она тем, что автор предпринял попытку, возможно и не очень удачную, синтеза эволюции экономической мысли в России, с одной стороны, и эволюции научных представлений о роли и месте пространственно изменчивых факторов развития российской экономики — с другой. И это уже само по себе не может не вызывать уважения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белимович А. Д.* Богоискатели, евразийцы и материальная культура // Белимович Александр Дмитриевич (1876—1963). СПб.: Росток, 2007.
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994.
3. *Бруцкус Б. Д.* Советское и крестьянское хозяйство // Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. СПб.: Звезда, 1995.
4. *Бруцкус Б. Д.* К критике учений о системах хозяйства // Сельское хозяйство и лесоводство. 1909. № 9.
5. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
6. *Воронцов В. П.* Экономика и капитализм. Избранные сочинения. М.: Астрель, 2008.
7. *Гладкий Ю. Н., Доброскок В. А., Семенов С. П.* Экономическая география России. М.: Гардарики, 1999.
8. *Гловели Г. Д.* Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. — первая треть XX в). СПб.: Алтайя, 2009.
9. *Гловели Г. Д.* Историко-стадиальные и эволюционные концепции в российской экономической мысли: вековая ретроспектива. М.: ИЭ РАН, 2008.
10. *Гловели Г.* Геополитическая экономия в России // Вопросы экономики. 2000. № 11.
11. *Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А.* Вопросы экономического районирования в трудах экономистов-аграрников // Пространственная экономика. 2008. № 4.
12. *Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А.* Вопросы экономического районирования: забытые достижения // Пространственная экономика. 2005. № 1.

13. *Дмитриев А. Л., Файбусович Э. Л.* Н. П. Огановский — экономист и географ // Известия СПбУ экономики и финансов. 2001. № 1.
14. *Дятлова Л. А.* Концепция «генетических районов» А. Н. Челинцева // Пространственная экономика. 2005. № 2.
15. *Дятлова Л. А.* Пространственные аспекты теории крестьянского хозяйства в работах А. В. Чаянова // Пространственная экономика. 2006. № 1.
16. *Ермолов А. С.* Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и полеводства. Изд. 5-е. СПб., 1914.
17. *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905. + Приложения.
18. *Ключевский В. О.* Русская история. Т. 1. Сочинения. М.: Политиздат, 1956.
19. *Некрасов Н. Н.* Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. М.: Экономика, 1975.
20. *Огановский Н. П.* Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Экономическое обозрение. 1927. № 6.
21. *Огановский Н. П.* Сельское хозяйство, индустриализация и рынок в XX в. М.: ВСНХ, 1924.
22. *Огановский Н. П.* Перспективы развития сельского хозяйства СССР // Кондратьев Н. Д., Огановский Н. П. Перспективы развития сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1924.
23. *Огановский Н. П.* Русский крестьянин и мировое хозяйство. М.: Новая деревня, 1924.
24. *Огановский Н. П.* Очерки по экономической географии РСФСР. Ч. 1. Сельское хозяйство. М.: Новая деревня, 1923.
25. *Огановский Н. П.* Индивидуализация землевладения в России и ее последствия. Пг., 1917.
26. *Огановский Н. П.* Закономерность аграрной эволюции. Ч. I. Теория капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов, 1909.
27. *Огановский Н. П.* Закономерность аграрной эволюции. Ч. II. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911.
28. *Огановский Н.* Закономерность аграрной эволюции. Т. III. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. Саратов, 1914.
29. Проблемы совершенствования правового положения крестьянских (фермерских) хозяйств в Российской Федерации // Государство и право. 1994. № 2.
30. *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX — XX вв. СПб.: Наука, 1998.
31. *Семенов-Тянь-Шанский В.* О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Пг., 1915.
32. *Скворцов А. И.* Влияние парового транспорта на сельское хозяйство. Варшава, 1890.
33. *Студенский Г. А.* Очерки по теории крестьянского хозяйства. М., 1923.
34. *Фортулатов А.* К вопросу о сельскохозяйственных районах России // Труды ИВЭО. 1896. Т. 2.
35. *Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
36. *Челинцев А. Н.* К очередным задачам сельскохозяйственной экономики // Современные вопросы русского сельского хозяйства. К 50-летию И. А. Стебута. СПб., 1904.
37. *Челинцев А. Н.* Очерки по сельскохозяйственной экономике. III. Сельскохозяйственные районы Европейской России, как стадии с.-х. эволюции, и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910.
38. *Швиттау Г. Г.* Экономическая география в общей системе экономических наук. Пг., 1916.